

Семён Резниченко.

За жизнь.

Памяти Фазиля Искандера

Оглавление	
Последние дни Атлантиды	3
Портреты	9
Йог	9
Очередь в лодку	12
Петрович	15
О чём остаётся думать	17
Человек-черепаха	19
Черкешенка	21
Чудеса техники	23
Правозащитница	25
Серфер	28
Последний станичник	30
Швейцарец	33
Плоды благих дел	35
Пейзажи	37
Купола	37
Хорошо!	42
Сватовство к хакеру	44
Смена вывесок	47
Аллигатор	50
Позитивное мышление	52
Чёрные дыры	55
В отеле	62
Путешествие дилетантов	64
Радость	67
О красоте и уюте	68
Горы и воды	69
«Вечный корпоратив»	71
Зимний вечер	78

Последние дни Атлантиды.

Мы живём теперь в дикой стране под названием Египет. На берегах огромной реки Нил. Вокруг реки – заросли тростника и кустов. Которые кишат злющими львами, гиенами, крокодилами и гиппопотамами. Но злее всех – местные комары.

Ещё есть местные варвары. Которые едят всех этих тварей и постоянно грызутся друг с другом.

Мы живём у них. В передней части большой хижины, что зовётся у них храмом. И делаем вид, что учим варваров осушать болота и строить плотины. А так же делать кирпичи. Иначе варвары не станут кормить нас мясом гиппопотамов. Мы не слишком понимаем в кирпичах и осушении. Но пытаемся искупить недостаток знаний большим усердием.

Один местный колдун, рядящийся в львиную шкуру, пытался поднять нас на смех. Но мы рассказали вождю и воинам, что бывает, когда приходит вода. И больше не уходит. Мы были очень красноречивы...

Но что мы делаем в этой дикой стране? Вдали от прекрасной и уютной Атлантиды? Просто на месте Атлантиды теперь бушует океан. Может, остались два-три островка. И больше ничего!

А всё начиналось просто и обыденно. Скучные мудрецы стали говорить об опасном подъёме уровня океана. О том, что вода заливают подземные пустоты. Которые остались после тысячелетней добычи атлантами различных руд и драгоценностей. Но самые важные мудрецы и правители сменялись над этими опасениями.

Мы ходили своей дружной командой в любимую таверну. Где за кувшином вина перемывали кости отсутствующим приятелям.

Потом переизбрали ареопаг и архонтов. Они решили бороться с подъёмом океана. И строить какие-то дамбы.

Дамбы не построили. А деньги, как водится, украли. И построили на них великолепные виллы. Прямо на берегу грозного океана. Только последний дурак после этого мог бояться какого-то затопления!

Но потом говорили, что океан затопил какие-то острова с какими-то рыбаками. Но флот Атлантиды всех героически спасал. За это наградили всех адмиралов. Был большой праздник с фейерверком. И мы отлично погуляли в обществе молоденьких гетер.

Потом правители много говорили нам о нашей счастливой жизни. О том, что скоро откроют ещё десять изумрудных шахт. Которым не будут страшны ни какие океанские воды.

Потом из-под земли стал доноситься какой-то гул. Она стала шевелиться и вздрагивать. Люди было начали беспокоиться. Тогда архонты устроили сразу несколько праздников. И мы воспользовались этим сполна!

Тихий ровный гул стал привычным. Иногда земля вздрагивала чуть сильнее. Тогда тихо звякали столовые приборы. Филоксен как всегда рассказывал, что всё к лучшему. «Просто сидим в таверне! А кажется у нас прогулка на корабле. И корабельщикам не надо доплачивать! Ха – ха – ха!». Филоксен смеялся так заразительно, что все мы следовали его примеру. Стоило выпить чуть больше, и собственное тело начинало колебаться в унисон с землёй. Благодаря доброму Филоксену мы быстро привыкли к этому.

Однажды пирушка была в самом разгаре. Мы отдыхали на свежем воздухе. Сверху уютно нависала неподвижная сизая туча. Небо на западе гасло с нежной прозеленью. Дул чуть заметный ветерок.

Вдруг мне показалось, что рядом снами кто-то стоит. Послышался плеск воды. Все обернулись Из-под земли фонтаном била вода.

Первым в себя пришёл неугомонный Филоксен. Он решительно подошёл к фонтану и зачерпнул из него воды. Умылся и попробовал на вкус. «Морская! И какая чистая! Как на пляже в Парусной бухте!».

Все мы были уже под хмельком. Поэтому с гоготом, словно гуси, потянулись к фонтану. Все мы умывались и брызгались водой друг на друга. А чуть продрогнув, возвратились к вину и жаркому. Время от времени кто-нибудь подходил к фонтану освежиться. Мне казалось, что идти до бьющей из-под земли воды всё ближе и ближе.

Через несколько дней мы вновь решили посетить это уютное местечко. Там мы нашли приличных размеров озеро с солёной водой. Таких озёр там было несколько. А между ними – очень много фонтанов. Которые разбрызгивали морскую воду во все стороны. И найти между ними сухое место было затруднительно. И нам пришлось повернуть в нашу любимую таверну. Там мы неплохо погуляли и договорились снова собраться через несколько дней.

Встретившись в намеченный срок, мы не узнали нашей таверны. Вся она была забита какими-то смурными промокшими людьми. С ними были визжащие дети, козы и узлы с тряпьем. Мы немного пришли в себя, когда увидели знакомую прислужницу. Она была небрежно одета и озабочена. Мы бросились наперебой расспрашивать её. Оказалось, что в таверну набились беженцы. Люди из тех мест Атлантиды, которые уже были полностью затоплены. «Как полностью! Там что, жить нельзя!» в изумлении воскликнул я. «А ты, что, рыба! Под водой будешь жить!?» - съязвила в ответ прислужница.

Мы выскочили из таверны, как из зачумлённой. И очень скоро уткнулись в какой-то водоём. Их теперь было так много! Мы встали, тупо уставившись на воду.

И тут опять не растерялся Филоксен. Он заметил в воде больших неповоротливых рыб, которые приплыли сюда слишком рано. И явно были не в своей тарелке.

«Поймаем их!» - крикнул Филоксен. Сорвав с себя плащ, он зачерпнул им сразу двух рыб. Все мы последовали его примеру. Полусонные рыбы вяло трепыхались и не могли нам сопротивляться.

Довольные и пришедшие в себя, мы расположились неподалеку. Решили разжечь костёр и поджарить рыб. Тон как всегда задавал Филоксен. Но не успел он усесться, прямо под его задом из-под земли ударил фонтан изрядной силы. Филоксена подбросило. Он перекувыркнулся и упал лицом в грязь. Этого всегдашний заводила совершенно не ожидал. Он растерянно смывал грязь в бьющем всё сильнее фонтане...

Я посоветовал всем подняться на каменистый холм, стоящий неподалеку. Похватав рыбу, все последовали моему совету. Потому что вокруг было всё больше фонтанов. Высоких и мощных.

На вершине холма, на надёжных скалах, мы перевели дух. Развели костёр и принялись сушиться и жарить рыбу. Которая оказалась вкусной, жирной и почти без костей. Многие из нас никогда не расставались с флягами доброго вина. Поэтому вскоре все развеселились. Завязался оживлённый разговор. Почти как в родной таверне до появления этих противных беженцев...

Потихоньку стали сгущаться сумерки. Рыба была съедена, вино выпито. Мы засобирались по домам.

И тут оказалось, что никуда идти мы больше не можем. Только плыть. Вокруг холма во всю плескалось море. Оно давно скрыло под собой самые высокие деревья на равнине. Только ветки и мусор трепыхались под ударами волн.

Мы застыли в оцепенении. «О, моя Фрина! Я тебя больше не увижу!» раздался вдруг полный отчаяния вопль. Молодой Аристокор упал и принялся биться головой о камни. Больше года назад он женился по большой любви. Два месяца назад у него родился сын. «О, мой мальчик!» - завопил он ещё более горестно. И бросился в морские волны. Мы всё это время прибывали в оцепенении. Машинально я отметил, что несчастный Аристокор достиг воды в два прыжка.

«Мы погибнем, погибнем!» - начал вдруг причитать всегда неунывающий Филоксен. На меня вдруг напал безумный смех. «Всё хорошо, о Филоксен! Перед смертью мы испугаемся и поныряем!» - кричал я. И чувствовал, что мой ум затуманивается безумием.

Кто-то кричал ещё что-то. Кто плакал. Артимида принялся таскать камни и сваливать их в кучу на самой вершине холма. Я тыкал в него пальцем и смеялся.

«Корабль! Корабль!» - вдруг принялся кричать кто-то. По морю мимо нашего холма плыл большой океанский корабль.

Ксенофил принялся прыгать и кричать. И все мы присоединились к нему.

И корабль подплыл прямо к нам. Вода была уже так высоко, что его борта возвышались над нами. Нам скинули верёвочную лестницу. И мы поспешно поднялись по ней. «Мы плывём прямо к дальнему матерiku. В Атлантиде больше нет портов» - сказал нам капитан с печальной усмешкой.

Нам не о чем было думать и нечего чувствовать. Наша компания и другие спасшиеся спали и ели скудную похлёбку. А во время шторма хватались за что-нибудь и накрывали голову плащами.

Лучше всех чувствовал себя Менипп. Вдруг оказалось, что у него нет сварливой жены, пьяниц-сыновей и многочисленных долгов. Поэтому Менипп наслаждался морским путешествием и даже пополнел.

Не знаю, сколько прошло времени. И мы прибыли на дикие берега Нила....

Портреты.

Йог.

Евгений Иванович Лёнчик был в душе философом. Но, в отличие от других «философов в душе», он был человеком дельным и практичным. Работать умел. Потому и защитил кандидатскую и докторскую, стал доцентом и профессором.

Вера поняла это, когда Евгений ещё был аспирантом. Что философские увлечения его прокормят. И вышла за него замуж. Долгое время Вера думала, что не прогадала.

Но Евгений Иванович знал, что он философ. А не те, кто меняют марксизм на маслице. Он так же знал, что философия – это действие, а не софистическая болтовня. И не борьба с властями и чтение самиздатовских ксерокопий.

Поэтому Евгений Иванович занимался йогой. Он медитировал, принимал асаны и не рассуждал. Он подавлял эту способность, так как был философом.

Постепенно Евгений Иванович научился медитировать нормально. Когда уже было всё равно. Но он считал необходимым объяснять. Потому, что был преподавателем. С коллегами и женой. И самому себе в обычное время надо было доказывать. И он объяснил это желанием дожить. До ста тридцати семи лет...

Над ним добродушно посмеивались, но в антисоветчине обвиняли.

У Евгения Ивановича родился сын. Он его обеспечивал и отправил в школу. А так он потихоньку уходил в медитацию. И от жены, и от сына. Однажды Вера собрала вещи. «Ты, что уходить собралась?» - с некоторым удивлением спросил её Евгений Иванович. «А ты уже ушёл» - ответила Вера и вызвала такси.

Сын присматривался к отцу и, будучи студентом, тоже решил уйти. В наркоманы. «Ты идёшь по пути наименьшего сопротивления!» - с упрёком сказал ему Евгений Иванович. «Быстрее и проще, хоть и без пафоса» - ответил ему сын. Евгений Иванович пожал плечами. «Может, тоже путь» - подумал он. Определённый уровень был достигнут. Евгений Иванович лишь боялся, что сын будет клянчить деньги и отвлекать его. Но сын просто исчез, чему Евгений Иванович был рад.

Вере он продолжал помогать материально до самой смерти. Объяснял он это дхармой (долгом) мужчины. Но на деле просто чувствовал глухую вину перед той разумной и оптимистичной девушкой, на которой он когда-то женился...

А начальству и сослуживцев устраивало всё. Евгений Иванович спокойно вышел на пенсию и целиком отдался йоге и заботе о здоровье. Началась и закончилась перестройка, ельцинизм и нулевые. Но это волновало Евгения Ивановича не больше, чем вода под мостом, через который он иногда переходил. Он питался зеленью, орехами и медитировал.

И жизнь менялась своим чередом. Отпадала серая суета. Появлялась свобода. Евгений Иванович постепенно превращался в вечнозелёное дерево с пурпурными цветами. Которому было уже сто двадцать лет. И которое не стоило поливать водой из-под крана. Поэтому Евгений Иванович бодро пробегал до ближайшего продуктового магазина и покупал питьевые пятилитровки. Он почему-то чувствовал необходимость объяснять продавцу и редким знакомым возраста внуков, что ему сто двадцать лет...

В очередной раз наступили холода. И Евгений Иванович задумался о лучшем уходе за вечнозелёным и вечно цветущим деревом. Нужно было тепло и влажность. Но включил на кухне газовые комфорки и разделся до гола. И принялся поливать себя питьевой водой...

И тут Евгений Иванович понял, что он всё же не вечнозелёное дерево. Потому, что он упал на пол и больше не мог двигаться и говорить. Евгений Иванович ясно осознал, что игра окончена. Но остался йогом и мужчиной. Ему больше не оставалось ничего, кроме медитации. И он погрузился в неё...

Сложнее оказалось престарелым родичам, которые всё же успели вызвать слесаря и скорую. Врачи и санитары морщились, хамили и не хотели нести парализованного. Из мужчин в подъезде жили уже одни старики.

Поэтому Евгения Ивановича выносили три женщины пенсионного возраста и самый молодой из санитаров. В больнице выяснилось, что Евгению Ивановичу всего девяносто...

Очередь в лодку.

Анна Степановна двигалась к магазину после осеннего ливня. На резиновой лодке это было не столь быстро, как пешком. Неприятную ситуацию не скрашивали даже двое мужественных эмчээсников.

Но вот лужа обмелела и нос лодки ткнулся в жидкую грязь. Анна Степановна посмотрела на самого крупного эмчээсника с кротким обожанием. Он скупно улыбнулся и плавным, аккуратным движением вышел на мелководье. Секунду он возвышался над Анной Степановной как могучий бегемот, владелец этого водоёма. Анна Степановна потянулась к нему, и прапорщик взял её на руки. Тут её удалось расслабиться. Впервые после отъезда Серёжи и начала дождей...

Анна Степановна бодро поскребла к магазину новенькими колошами. Подход к минимаркету уже успел высохнуть. Внутри пришлось постоять в очереди к кассе, но недолго. Анна Степановна купила кефир, хлеб и сметану и вышла на улицу.

Мужественные эмчээсники на лодке успели уплыть. И Анна Степановна стала в очередь на переправу за двумя угрюмыми бабушками, которых внуки выселили сюда с глаз долой, забрав из станицы...

Это был район недавних новостроек, где можно было протянуть руку на балкон соседнего дома. На перемену погоды отключали свет, а из подвала пованивало канализацией. Передвижение мебели в соседних квартирах грохотало грозой, любимые матюки соседей можно было выучить за неделю. Притом, что жильцы особо не общались друг с другом. Чувствовалась стойкая атмосфера провинциального вокзала с минимальным евроремонтом.

Но Анна Степановна долгое время ходила с высоко понятой головой и осознанием собственной элитарности. Над ней не висела ипотека, которую

помог погасить Серёжа. Ей было наплевать на детский сад и школу, далёкие и переполненные. Дочери-то давно выросли!

Анна Степановна к тому же была одним из лидеров культурной элиты, руководителем союза баянистов. В своё время она фотографировалась с Иосифом Кобзоном и всероссийскими гармонистами Заволокиными. Была награждена медалями, которыми можно было блеснуть на выезде в районном доме культуры.

Она проводила заседания с тихо дремлющими старичками, на которых принимали резолюции и обращения в поддержку культуры образования и всего остального хорошего и против плохого. Обращения принимались единогласно и отсылались куда положено. Оттуда иногда присылали спасибо. Деньги перестали присылать уже больше десяти лет назад...

Хорошо, был Серёжа. Благодаря ему не только удалось приобрести квартиру, но и проводить заседания, находить время на писание резолюций. И старикам было где немного поиграть на баяне, а больше сменить обстановку для послеобеденной дрёмы...

Ради этого, да ещё чиновного статуса Серёжи можно было потерпеть и двадцатипятилетнюю Машу из Самары, с которой Серёжа фотографировался во время прогулок по Волге.

Всё бы ничего, но вот пошёл самый сильный со времени заселения дома дождь, который так и остался на улицах в виде озёр до полутора метров глубиной. Хорошо хоть у Анны Степановны не было машины. А так у многих они неделю простояли в воде, после чего годились только на металлолом. Но из дома всем приходилось выбираться пока только на лодках эмчээс.

Как раз подплыла одна и з них. Но на этот раз Анна Степановна оказалась зажатой в углу бывшими станичными бабушками и их облезлыми

стиранными пакетами. Да и экипаж оказался уже не столь импозантным. На вёслах сидели щекастая девушка с фигурой борца и преданно глядящий на неё сублильный юноша с огромными передними зубами.

Оказавшись в лодке, бабушки тут принялись ругать погоду, власти, и всё остальное.

- Вы шо грэбёте еле – еле? За шо вам государство деньги платить!? – взвилась одна из бабушек.

- Щас сама поплывёшь, по-собачьи! – ответила её крупная девушка-эмчээсница.

- У колхози у нас брыгадирша була такая ж. Любка звалы! – уже миролюбиво ответила бабушка.

Девушка на секунду застыла с веслом в руке и красноречиво посмотрела на бабушку. Та окончательно умолкла...

Анна Степановна тем временем с грустью размышляла, с кем останется Серёжа «в условиях кризиса», с ней или с Машей из Самара?...

Петрович.

Сергей Петрович поднял выбритый подбородок. «Как мы работали, ребята, так работали! Родине служили!». Школьники зевали, дремали, флиртовали. Занимались своими делами, обращая внимания на Петровича не больше, чем ветки липы за окном. А Петрович продолжал вещать глядя себе на кончик носа. Наконец, надоело и ему. Учительница натужно улыбнулась. Дети привстали, глядя сквозь Петровича. И он наконец покинул класс.

Петрович понимал, что будто побитая молью учительница ему не нальёт. И угрюмо поспешил к выходу.

Он знал, что если бы он рассказал про свою жизнь то, что есть, пацаны бы его поняли. Да и без Петровича они с удовольствием бы регулярно пили и получали зарплату, ничего особо не делая. И щеголяя в форме и при случае безнаказанно над кем-нибудь глумясь. И без всякого Петровича и его откровений едва ли не полкласса мечтали попасть в полицию. На работу, конечно.

За спиной Петровича советская школа и вялые, скучные тройки из-под отцовского ремня. Потом армия, внутренние войска на охране зоны. Командиры и старослужащие были наверное, хуже зэков. У них было больше возможностей проявлять своё нутро. Вспоминая армию, Петрович видел себя на дне ямы среди тощих кусачих крыс в грязи. С той поры он полюбил заглядывать в рюмку.

Зато Петрович получил отличную характеристику. И с нею устроился во вневедомственную охрану. Где спокойно прослужил до пенсии. А на пенсии спокойно стожил и вахтёрничал в разных местах. Работы после окончания школы Петрович не видел. Чему был несказанно рад. Зато носил форму и видел регулярно бутылку.

Петрович был женат имел двоих сыновей и двоих внуков. Одному сыну чего-то постоянно не хватало. Поэтому он уже два раза отсидел. Один раз – за кражу, другой – за наркоту. У него был внук, которого ни отец, ни Петрович особо не видели. Второму сыну особо ничего было не надо. И он спокойно работал в полиции, капитаном ГИБДД. Его сынок, балованный непоседа, был любимцем Петровича.

В молодости Петровичу довелось повидать ветеранов войны. И даже не самых последних призывов. Это были обычные, нормальные немолодые мужики. Но за ними было что-то. Поэтому Петрович с удовольствием перенимал что-нибудь из их манеры разговаривать и держаться. Одновременно испытывая огромную радость от реального отсутствия этого чего-то. Которое могло появиться, например, от неоднократного попадания под бомбёжку и артобстрел. Петрович решительно предпочитал дедов с зоновской охраны. Убить-то его лично они ни разу не пытались.

Тем временем ветераны, даже самые свежие и почти не воевавшие, на районе повымерли. А школьные мероприятия с приглашением остались. Приглашали Петровича, пенсионера МВД, отца полицейского. Не каких-то ясное дело «чеченцев», в голову ударенных.

И Петрович вещал, вспоминая что-то из ухваток прошедших Великую Отечественную. Конечно, и детишки были не те, и смотрели как-то не так. Особенно чёрненькие... Но Петрович ходил. Всё равно какое-то разнообразие.

О чём остаётся думать.

Федя решил зайти в книжный магазин. Раньше, особенно студентом, он бывал там нередко. А теперь отвык от этого, так как предпочитал Интернет и даже был ЖЖ-юзером.

А теперь просто некуда было идти после работы. Напиваться одному не хотелось. Можно было посмотреть на книги.

Зайдя внутрь, Федя понял, что и здесь всё вылиняло и затёрлось. Так же, как и уже полузабытая домашняя библиотека и он сам. Естественно исчезла русская религиозная философия. Федя никогда не понимал, кто её покупал. И восточная философия исчезла. Её-то покупали когда то. Сбились в кучу, заняв круговую оборону, книги по истории. Сильно поредевшие и посеревшие. Гумилёв, занявший место классиков марксизма. Переиздания чего-то дореволюционного. Дешевые популярные книжицы типа «всё обо всём». Сборники натужных «исторических частушек». Исчезли оригинальные монографии. Которые хоть и дорого, но продавались. Студенту Феде на них денег хватало очень редко. Некоторые он потом скачал и прочёл в полудрёме за компьютером. Но это было не то. Без запаха бумаги и веса.

Был когда-то закупленный в немереных количествах и недораспроданный Минаев. Новый бестселлер Прилепина. Исключая сливающего в унылую пестроту ширпотреба. Популярные бытописатели для любителя мистики Феде тоже не существовала. «Жисть» он и так терпеть не мог.

В общем, смотреть на книги смысла не было. Когда-то Федя мог это делать и безо всякого смысла. Но теперь эта способность была потеряна. Время ушло. Вместе со студенческим пивом и фоном из полок с русской философией и изредка читаемым даосизмом.

Любоваться можно было только Оксаной. За последние пять лет она совсем не постарела. Нежная стройная блондиночка. Голубые глазки, курносый носик. Румянец и немного сарказма в улыбке.

Когда –то Федя её хотел и вяло подбивал клинья, помахивая некупленным сборником хорора. Но обломы и редкие, но изматывающие отношения с подобными себе истеричками сделали своё дело. Федя устал хотеть женщин. Теоретически он думал стать геем. Чем иногда эпатировал собутыльников, с которыми виделся всё реже и реже. Но дальше гейство не шло. Нужно было больше денег и следить за собой. На это, как и на что-то другое, не хватало желания и решимости.

Но всё же Федя любовался Оксаной. Он хотел не Оксану, а быть Оксаной. «Эх, был бы я такой блондой...». Тут просыпалась фантазия. И небритые горячие кавказцы, и подкаченные молодые блондины, решительные и чуть грубоватые. И коротко стриженные девахи с фитнес-фигурами. Рыжие зеленоглазые лесби - нахалки. Начинающие делать дело прямо в маршрутке. Как в порно-рассказах...

«Оксанка-то! Она всё это может!» - думал Федя, не решаясь протянуть руку к роману неизвестно о чём с попсовой обложкой.

Оксанка тоже думала. Что надо вовремя забрать дочку из садика несмотря на пробки. Не забыть проверить, перевели ли на карточку алименты. Купить хлеба, колбасы, йогурта и «Кити-кета»...

Человек-черепаха.

Александр работал психиатром и жил вместе с матерью. Он ненавидел своих пациентов и обожал мать. И боялся их всех. Пациенты были непредсказуемы и агрессивны. А маме всегда нравилось, когда её боятся и слушаются. И Александр всегда старался делать ей приятное. И потому боялся.

На своей страничке в фейсбуке вместо своего портрета он выставлял изломанные абстрактные изображения. Чтобы не узнали пациенты. А то недавно одна старушка глядела с такой страстью!

Чтоб показать матери свой страх, Александр встречался с девушками только у них на квартирах. И никогда не приглашал к себе. Если девушки, возмущались, Александр смотрел на них с молчаливой укоризной и молчал.

Александр был убеждён, что всё делает как положено. И все должны радоваться, глядя на него. Как мама. Не радовались всякие лишние существа: капризные девушки, нахал Игорь, корчащий из себя особенного. А радовались правильные люди, в основном начальницы. Елена Александровна, к примеру, зав отделения. И Александр и сам радовался, видя как они довольны.

Из всего надо извлекать что-то мудрое и ценное – в этом Александр был твёрдо уверен. Недавно в кафе неформальствующий Игорь как всегда угрюмо молчал. Иногда прерывая молчание какими-то псевдооригинальными глупостями. «Ты, Саня, на черепаху похож инопланетную. Голова у тебя черепашня, а тельце как у слизня» - прокомментировал он лысовато-очкастую голову Александра. Престало ли психиатру обижаться!? Тем более что идея за пала Александру в душу. «Да, я – инопланетная черепаха!» - решил он с убеждением.

Кожистая голова с круглыми глазами втягивалась и появлялась не из панциря, а из полупрозрачной студенистой массы. Пронизанной

голубоватыми и розовыми жилами, уходящими в бездонную глубину. Эта глубина сливалась со всем и вся. Но это был пустой мир, спокойный и неподвижный. И Александр стал учиться нырять в него. Неподвижные жилы и артерии в полупрозрачной массе. словно практические занятия на первых курсах.

Александр стал проводить в нём много времени на работе и по пути домой. И выныривал точно по сигналу. Когда видел сияющий серебристо-стальной купол здания ФСБ. Тогда над черепахой в любую погоду открывалось чистое небо с сияющим солнцем купола. Страх сменялся желанием черепашьей головы бодро тянуться по стойке «смирно».

Черкешенка.

Друзья сравнивали её с древней гречанкой или римлянкой. Она очень органично смотрелась на фоне мраморных развалин. И когда она шла по улице, всё вокруг казалось немного Колизеем или Парфеноном: улица Красная в Краснодаре, что-нибудь в Майкопе или Армавире. Как говорили её просвещённые родственники, у черкесов немало общего с античностью...

А она улыбалась и одевалась красиво. И говорила то, что следует. Не слишком глупо и не слишком умно, и о многом молчала. Как и века назад, молчать приходилось об очень многом. И о родственниках, и о соотечественниках, и о сослуживцах, о друзьях и недругах. О чём-то нельзя было писать в газету или на сайт, об одном надо молчать только на людях, о другом – и наедине с собой...

По самым разным причинам, их было бы долго перечислять.

Сегодня она не смогла промолчать наедине с собой о том, что не замужем и детей нет. После того, как была в кафе с подругами разных национальностей. У которых в общем тоже не было мужей и детей, но не у всех...

И вообще, мир постепенно разваливался. Ладно бы ещё люди просто ненавидели друг друга. Но они друг для друга исчезали, смотрели друг на друга и не видели.

Русские разваливались открыто, просто и откровенно. Ещё и с дурной бравадой. Деловито ходили сквозь друг друга и возмущались, если спотыкались при этом. А нередко даже не удостаивали себя труда возмутиться.

Черкесы тоже разваливались и не видели друг друга. Но при этом делали вид, что прекрасно видят. Дружески улыбались пустоте и спотыкались об людей. Но старались делать вид, что это только досадная случайность. А так

все отцы и дети, братья и сёстры. «Нормальные» представители большинства иногда делали вид, что замечают националистов из «Адыгэ Хасэ», а те пытались убедить кого-то, что хоть кому-то интересны. Молодые ваххабиты пока делал вид, что считают всех остальных за людей.

«Что – то я напилась и философствую» - улыбнулась она себе в зеркало. Надо было заняться вечерним уходом за кожей. Она была ещё очень хороша, но уже не юна....

Она снова улыбнулась, чуть печально. Потому что мир был ещё более недолговечен, чем её кожа, и держался на тонком слое макияжа...

Чудеса техники.

Когда-то Марина хотела иметь свой «Форд-Фокус». А потом подумала, что она – блондинка, хоть и не глупая. И лучше её мужика с таким «Фордом» заиметь. В результате заимела мужика на джипе нигерийской сборки и потом не знала, как от него избавиться. Хорошо хоть не стала матерью – одиночкой.

Но ездить пришлось на «Ладе». Брат мог менять здохшие детали и приборы на подержанные. Всё равно «Лада» требовала к себе уважения, не меньше, чем престарелая тётя Тамара. Она была своенравной, не сговорчивой и капризной. Могла показать не то количество бензина, что было в баке. Иногда сразу не заводилась, видимо, просто хотелось постоять в приглянувшемся месте. «Лада», а лучше Лада строго учила осторожности и предусмотрительности. Тормозить надо было начинать заранее, лучше ещё вчера.

Но Лада вовсе не казалась Марине плохой и несовершенной машиной. Наоборот, она казалась наделённой разумом, причудливым и мистическим, а вовсе не машинным. Тем более, что ездила она долго, в настоящие аварии не попадала, на зимней дороге не глохла, дожидалась въезда в посёлок.

Поэтому Марина Ладу ценила, уважала и побаивалась. Спокойной садилась в неё после братнего осмотра. А так старалась сначала постоять, стекло протереть. Особенно если снег, дождь или жара. Дверью старалась сильно не хлопать, а то не откроется ещё потом. Повесила Ладе в кабину иконку и игрушечного котёнка. Брат это всё молчаливо одобрял...

Вот и сейчас загодя сбросила скорость пред магазином, надо было купить сосисок. Купила их и ещё батон. Пошла обратно к машине.

Но тут появился Борисыч, фермер – пенсионер, либерал старого закала и даже украинский националист. Именно поэтому он не поленился поставить свой пакет с покупками и достал планшет.

- Во, Маринка, какая должна быть настоящая Украина! До Волги, до Китая почти! А те гады на Донбасс претендуют!

Марина мельком посмотрела на цветистую картинку, изображающую карту.

- Борисыч, порнухи я, что ли, не видела – устало ответила она и поспешила к машине. «Хрен бы показал для разнообразия. Да и показывать-то уже кроме порнушки хохляцкой, нечего» - подумала Марина, усаживаясь на сидение и с привычной аккуратностью закрыв дверцу.

Потом Лада потарахтела к дому. Нормально завела её под навес, поставила подальше от сырого пятна на растрескавшемся бетоне.

Марина зашла в дом, переоделась и уселась за сериал про эльфийку – детектива, отслеживающую вампира – коррупционера.

Но тут вдруг проснулся Хуавэй, это если интеллигентно выражаться. К чему Марина была сейчас не склонная. Китайский смартфон был так же своенравен, как и Лада. Но своенравен был как-то равнодушно и без всякого смысла.

Вот и сегодня он весь день скрывал вызовы и эсэмэски, на которые надо было ответить ещё утром.

И то хорошо, не было ничего срочного и перезванивать было уже поздно. Ответив на пару эсэмэс, Марина с облегчением вернулась к мудрой и решительной эльфийке, которая как раз вернулась после рекламы.

Глядя на неё, Марина невольно надеялась, что отношения с Хуавэем наладятся до неизбежной покупки нового. А новый ей может быть купит какой мужик...

Правозащитница.

Позади было хорошо сделанное дело. Удалось спасти человека. Тихий селянин – самооборонщик получил условный срок. Конечно, хотелось полного оправдания. Но это было нереально. Пострадала бы статистика по обвинительным приговорам. Ни полиция, ни прокуратура этого допустить не могла.

Нервотрёпка, угрозы сквозь зубы. Волокита и непонимание, что здесь вообще надо этим москвичам. Но деревенская боязнь огласки и неведомого помогла. Местные шишкарки испугались и отступились. Особенно не почувствовав начальственной заинтересованности в результате.

Поэтому потом были прекрасные шашлыки на свежем воздухе под несравненный деревенский самогон. Не то что унылые мартини и виски. И ещё более несравненное чувство собственной значимости, силы и мудрости, правоты и нужности людям, которого давным-давно уже не было в Москве.

Среди озлобленно – нереализованных оппозиционеров и националистов. Исключительно виртуально значимых и не авторитетных даже в пределах одного столика в кафе. Абсолютно неинтересных людям, от имени которых они якобы выступали. И от того мелко и бессмысленно злобных, нелепо параноидальных и истеричных. Люто ненавидящих свою тусовку, иногда включая самих себя. Но не востребуемых и не могущих существовать где-либо ещё.

Живущих отжившими идеями, унаследованных от мёртвых титанов из иных миров. И сохраняющих какую-то значимость только за отсутствием чего-то другого.

Она сыграла роль Русской Заступницы, помогающей людям. Доброй, могущественной, уверенной в себе и в меру счастливой. В этом милом селе удалось сыграть эту роль. Сил хватило. Побывала Золушка принцессой.

Но теперь надо было возвращаться в Москву. К роли одиночки среди одиночек. Питающихся мясом, отгрызенным друг от друга. Потому что больше питаться было нечем.

К дням и ночам в Живом Журнале. Где можно было с удовольствием пообщаться с безумными и полубезумными, полузабоченными полуимпотентными хамами и матершинниками. Живой Журнал с этими монстриками был всё же меньшим злом. С ними не надо было встречаться лицом к лицу. И можно было играть роль. Рассудительной и разумной резонёрши. Которой монстрики дают возможность почувствовать себя выше, сильнее и мудрее.

А в жизни нередко приходилось самому оказываться таким монстриком. Неудовлетворённо-озлобленным и боящимся. С истерикой, переходящей в тяжелую депрессию. Голод заставлял грызть тухлое противное мяско товарищей и товарок. Делать было нечего. Хоть товарищи в это время успевали отхватить от неё кусочек побольше. Да и зубки ныли.

Она считала себя обительницей некоего буддистского ада. Где несчастные голодные демоны вынуждены питаться друг другом и мучить друг друга. Они бы рады делать что другое, но не могут. Получают освобождение только те, кто решительно позволяют собратьям окончательно разорвать себя на куски и пожрать.

Но некоторые демоны, в которых сохранилось стремление к добру, получают другую награду. Они могут не надолго выходить в мир людей в образе ангелов. И творить там добро, спасать погибающих людей. На это короткое время им позволено забыть, что они несчастные демоны. И они чувствуют себя настоящими ангелами. Могучими, добрыми, милостивыми, безмятежными.

В автобусе она переписывалась с москвичами и планировала дела, которые надо было сделать по возвращению. Она чувствовала, как линяют и тают

ангельские крылья. И нарастает кожа демона. Со свежими язвами и бородавками.

Она знала, что новые мучения неизбежны. И сперва они будут ещё более болезненными. Но будет возможность опять побыть ангелом. Отряхнуть гноящуюся кожу и взлететь, даруя людям если не радость, то облегчение в их страданиях.

Которые становятся всё сильнее и нестерпимее. И поэтому этот ад не вечен.

Серфер.

Изматывающий ритуал, который «патриоты» называют «византийским». Ну, наверное это и так. Но ритуал помогает сосредоточиться на делах. Не думать и не понимать слишком много. И чиновникам, и народу перед телевизором. И ему самому.

Куда мы идём, знают все. Один коллега написал об этом стихи, красивые и грустные. Он человек творческий, ему нужно. Написал и попытался забыть. И олимпиаду для этого сделали, и универсиаду в Казани. Ну, и чемпионат по футболу. До чемпионата дотянем или нет – неизвестно. Но к чемпионату можно готовится, тоже занятие.

И он, и большая часть страны- артисты. Вроде тех, кто развлекали друг друга у ворот Освенцима...

Но он не только артист, но и спортсмен. Серфер, балансирующий на гребне волны, которая всё и всех сносит, прежде чем выбросить на свалку истории. А он летит сверху, ловит кайф и улыбается. Решает вопросы по мере появления. А чаще делает так, чтобы можно было и не решать. В этом-то и талант серфера. Много там можно нарешать, когда катишься на гребне цунами. Тут главное продержаться до поры, до времени.

Когда упадёшь, уже больше не поднимешься. Волна долбанёт головой о бревно или железяку. Оставшуюся неизвестно от чего. И всё, конец. Разлагающееся тело занесёт куда-нибудь вместе с другими трупами и мусором.

А следом выскочит целая команда бодрых и отвязных серферов. Которые, в отличие от него, столько на гребне не продержаться. Пять минут, и всё, головой о бревно. Потому что кто-то вообще не умеет кататься, а кто-то, может, настоящий талант. Но это особо ничего значить не будет. Волна

становится всё выше, мощней и капризнее. И всех будет головой о бревно, пока сама на спад не пойдёт.

А пока у серфера есть время, хоть чуть-чуть, остаётся использовать его с толком и пользой для себя и своих близких. Может, создать для них иллюзию какого-то будущего, хотя бы вероятного, хотя бы не для всех. Хотя бы иллюзию будущего, чтобы можно было о нём не думать и решать потихоньку мелкие вопросы.

И этим серфер абсолютно похож на всех «нормальных людей», только он известный серфер. До поры до времени катящийся на цунами. А они кто? Кто-то вообще сразу тонет, а кто-то прокатится свои десять минут и головой о бревно...

Вообще, бывает плохое настроение. И тогда вообще всё кажется не прикольным солнечным серфингом, а самодеятельностью в хосписе. Когда дряхлые смертельно больные развлекают и отвлекают друг друга.

Последний станичник.

Старик смотрел на угол щебнистой улицы, сварной забор с покосившейся краской, тёмно-синий зад машины.

Он был один из последних старожилов, потомок дореволюционных казаков, того времени, когда посёлок ещё был станицей. Старик когда-то учился, служил в армии, уезжал работать, подолгу жил в чужих городах. А ближе к старости жил вдовцом в чужом посёлке. Потому что посёлка его детства и юности давно не было. Когда-то в нём ещё оставались воспоминания о бывшей станице, от которых уже не осталось и следа.

Теперь по соседству со стариком жили гомосексуалисты. Один уже тоже немолодой бывший массовик –затейник, и двое помоложе. К ним нередко приезжали гости, но в целом геи были соседями тихими и незлобивыми. В посёлке они были не единственными, так и жили по соседству с одинокими угрюмыми бабами...

И те и другие пили. Но здесь, на юге, много кто и не пил и пить бросал. Ездил шабашить или занимался бизнесом, было несколько фермеров. Мишке, например, бросить пить помогли баптисты. И денег заняли на подъём стройбригады. Потом Мишка баптистов кинул. Брал строительные подряды, женился и завёл двоих детей. Купил две машины. И только сейчас в кризис, стал хмурится. Баптистов вообще многие кидали. Хорошие же они вроде люди...

Старик и старший гей как обычно беседовали через забор.

- А да, Ген, не то было в наше время. Никакого уважения нет у молодых. Ни к старшим, ни к друг другу. Детей не любят и воспитывать не хотят. Работать не хотят. Лишь бы эт самое...

- Точно, Михалыч, так и есть! Никакого уважения не стало! Все эти тюремные придури и понты. Алкашня с наркоманами, бездельники! Тока

футбол смотреть да матюкаться могут! Молодые ещё пареньки, а наглые такие, жадные! Одни эгоисты равнодушные. Не, не такие мы были в молодости.

- Конечно! Смотришь иногда, вроде нормальный приличный парень чи девка. А как пустой, не хочет ничего, не надо ему вроде даже и жить...

- Не хотят! Точно деревянные чи резиновые! Шмотки им всё да бабки! А зачем? Да просто так. Сфоткать в соцсетях понтоваться! До чего дошли, стали группы в Интернете создавать, чтоб к самоубийству склонять друг друга! Больше ни на что не способны, что ли? Хоть старших бы, нормальных людей спросили бы, как жить!

- Да им хоть говори, хоть нет!

- И то верно! Эх, куда мир укатится?

- В задницу, Гена...

- Эх...Ладно, надо поглядеть там...

Посмурневший старший из геев заторопился в свой дом. Старик же продолжил смотреть на то место, где он только что был Гена. Смотреть ему больше не на что не хотелось. Из –за дома стучали молотки смуглых гастарбайтеров – строились младшая дочь с мужем. Огород обрабатывать было больше некому, и старик отдал землю младшей дочери под строительство. У неё хотя бы были дети. Хотя после начала муторной, прерывистой и неопрятной стройки уже хотелось видеть и слышать как можно меньше.

Наконец вернулся Гена. Стал привычно жаловаться на расточительность и модничание своего молодого друга Димы.

- Шмотка, то ладно! А то всякие бирюльки, привески. Хрень всякую тягает.

- Он у тебя не казачество засобирался? А то у казаков-то нынешних всё разные привески на форме, как говоришь, бирюльки.

- Да не, Михалыч, до казачества не дошло пока – с некоторым испугом ответил Гена.

Негромко подкатила и плавно остановилась большая белая машина. Это приехала старшая дочь Михалыча, стареющий менеджер с крашеными волосами. Привезла пакеты с едой, минералкой и китикетом.

Когда Михалыч одевал очки и смотрел на свою старшую вблизи, она казалась ему похожей на помятого жизнью, но ещё не дряхлого мужичка. Или на Карлсона из мультфильма. А издали и без очков выглядела тенью молодой и бойкой девушки, какой и была когда-то. Благо, не растолстела...

Дочь дала Михалычу самый лёгкий пакет, и он поковылял в дом следом за ней...

Швейцарец.

Чёрный дирижабль джипа парил над пустым шоссе. Ровному и неразбитому, потом что ездили по нему не часто. Было темно, но в окнах добротных станичных домов нечасто можно было увидеть свет. Тут почти уже никто не жил постоянно.

Поворот на боковую ветку, ехать среди тенистых деревьев между высоких заборов. Вот и собственные ворота открылись по сигналу. Дальше в гараж на пять машин. Потом можно, постоять, покурить и полюбоваться.

Дом по специально фирменному проекту, немного эклектичному. Что-то от внешне непритязательного швейцарского шале, что-то сдержанно роскошной древнеримской виллы. Тёмно-бурое с белым и бежевым.

Уже взошла луна. Ближе к дому горы кудрявились лесом, а дальше и выше на них прикорнули сиренево белые тучи. Из-за них луна, как торшер. Горы, небо, деревья, дорога. Из дома не было видно ничего лишнего. Не хуже, чем в Швейцарии, Италии или Испании, но без тупых европейских правил и ограничений.

Только зачем-то эти пустые дома на подъезде. Как будто валяются раковины съеденных устриц или скорлупа кедровых орехов. Надо вроде выкинуть, а возиться не досуг.

Хотя вот с Дагестана приехали, поселились. Езидов из Армении больше стало.

А то ещё фермер Михалыч ерундой страдает. Курку-млеко - яйцо экологичное толкает. Например, ему, жена тоже покупала. И строит Михалыч, всё что –то пристраивает. Навесик новый, ворота. Сыну его на земледелие плевать, сисадмин он или менеджер в городе. Или официант.

- Михалыч, кому призраиваешь! Дагестанцам, что ли!? То они домик и купят!

- Ну, хоть и дагестанцам – отвечает Михалыч. И лыбится как-то так...

Плоды благих дел.

В своё время этот вдохновенный интеллектуал много вещал о прорыве в будущее, в мир свободы и демократии. Где не будет давящего чиновничества и серого угрюмого народа. Где все будут бороться за личный успех и безграничное процветание.

Не было ни свободы, ни демократии, народ становился всё угрюмее и серее. Процветали только давящие чиновники.

Зато интеллигент неплохо устроил своих детей за границей и умер. Он был похоронен под весьма элегантным надгробием.

Немногим дальше от него располагалось другое надгробие. Не столь устремлённое ввысь и кряжистое, но тоже весьма элегантное.

Под ним покоился мужественный генерал. До седины служивший в российской армии, но не просто тупой исполнитель, но пламенный пропагандист и радетель за благо страны. Никогда не устававший прославлять идеалы государственничества, мужества и верности Отечеству.

Тем временем государство тихо таило и исчезало, не заметно и плавно. Как серая ноздреватая льдина, выброшенная на весенний берег. И нечасто можно было встретить тех городских и сельских сумасшедших, которые продолжали быть мужественными и любить Отечество.

Но генерал всё же построил несколько дач и тоже хорошо устроил своих детей за границей.

В своё время интеллигент вскользь упоминал генерала как образчик верноподданничества, обскурантизма и всякого отсутствия мысли. Генерал тоже вскользь упоминал интеллигента как образец предателя и извращенца. Но это было давно. Теперь они оба устроили детей за границей и лежали под элегантными надгробьями.

А сейчас хоронили одного небедного парня, погибшего в автокатастрофе. Он не знал ничего ни про интеллигента или генерала. Покойный просто любил хорошие машины и быструю езду. Про интеллигента и генерала из всей похоронной процессии помнила только пара отставников. А многие не знали и друг друга...

Пейзажи

Купола.

Витя и Маша переписывались по Интернету пять лет. Повышали профквалификацию, ездили на курорт (отдельно друг от друга) и потихоньку старели.

Однажды ночью дул угрюмый, сырой и упорный ветер. Который словно боксёр ради олимпийской медали, с размеренным и злым постоянством лупцевал дома и деревья.

Многим тогда не спаслось. Ветер выл и давил как предтеча артобстрелов и бомбёжек, которые пока были в телевизоре. Но, чувствовалось, уже на подлёте.

Тогда Маша написала Вите в личку. «Уже четыре года я одна. Во всех смыслах. Кого послала, а кого похоронила. Вроде привыкла. Но вот что-не так с погодой. И крыша едет. Кажется, мы всех в своих квартирках скоро сдохнем. И там нас и найдут может, мумии. Кого-то в офисе найдут. Не, думаю, лучше в кафе. На миру, как говорится. Давай мы с тобой встретимся?»

- Маш, у меня такая тема уже лет шесть. Ага, давай встретимся!» - ответил Витя.

Договорились поехать в популярное, но не попсовое место. В парк на берегу реки, на мысу над самой излучиной. Где на другом берегу был виден лес, прячущийся под обрывом. Сначала от пригородного колхоза, потом от строителей.

В этом парке давно копали. И пытались что-то строить. Даже построили при советской власти бетонную коробку для дворца спорта. Не достроили и в нулевых разобрали на бетонные плиты для вторичного использования.

И потом стали пытаться строить спортивную школу, церковь и торговый центр. Конечно, это были конкурирующие проекты. Епархия, местный миллиардер, группа чиновников и титулованных борцов судились, поливали друг друга грязью в прессе. Иногда проводились пикеты и флэшмобы. Говорят, даже устраивали в парки драки со стрельбой. И постоянно пытались вести работы на одной площадке назло друг другу.

А археологи, проводившие охранные раскопки на месте строительства, вежливо намекали, что всё надо отдать им. Потому что похоронные со времён бронзового века и до Великой Отечественной войны построить ничего не дадут...

Потому это место и стало популярным. И слегка мистичным...

Витя и Маша встретились сдержанно радостно и отправились в суши – бар. Был тихий солнечный ветер. Ветер притаился в ветвях деревьев и напоминал себе дрожью листвы. С веранды суши – бара были видны пикетчики с креативными плакатами, за которыми иронично наблюдали молодые борцы и полицейские. И на веранде можно было курить!

Словом, было на удивление неплохо.

- Виски лучше сакэ – сказала Маша. Витя сделал заказ.

- И ещё одну бутылку возьми! Доплачу, если что – поправила его Маша.

Принесли виски и суши, которые уже не казались Маше «провинциальной туфтой, от которой бы японцы сразу харакири сделали».

Вечерело, протестующие и борцы деловито потянулись отдыхать. Слава Богу, не в этот суши – бар. Но опять занимался ветер. Он быстро разогнался и набирал силу, как реактивный бомбардировщик.

Витя и Маша перешли с веранды внутрь бара. Стали вспоминать, о самом лучшем и романтическом, что было в жизни. Они сошлись на том, что это

были студенческие посиделки где-нибудь в парке, где иногда была гитара и знакомые нефоры, и всегда была выпивка. Были проблемы с гопниками, с джигитами. Но благодаря им особенно остро ощущалось отсутствие проблем....

И Маша решительно сказала, что надо потряхнуть стариной, раз уже трести больше нечем. Витя было вспомнил о свихнувшихся от роста цен наркоманах, но логика вечера и Маша брали своё. Они с Витий вошли в тёмную аллею, не забыв о бутылке.

Ветер раз за разом пронесся над парком. Лунные блики и тени ветвей играли друг с другом на дорожке. «Как волны» - сказал вдруг Витя. Маша улыбнулась.

Нужно было укрытие от ветра. Тут как раз попался небольшой заброшенный амфитеатр с высохшим фонтаном. Можно было уютно устроиться в тени под стеной, приняться за бутылку виски и захваченные из бара квазияпонские печеньки.

Вскоре в шуме ветра уже можно было различить старый хит ДДТ «Обдолбанный Витя с обдолбанной Машей / Стоял у «Сайгона», за чирик шабашил...».

Казалось, что луна исполняет в небе танец с покрывалами, то прячась за тучами, то выглядывая из них.

И тут Маша увидела, что иногда луна и тучи исчезают, закрытые тенью. Маша пригляделась и вскрикнула. Это была тень церковного купола.

- Смотри! – вскрикнула Маша. Купол не стоял на месте, он проплывал над деревьями, и тогда над парком слышался тягостно-скрипучий стон.

«Это что? Призрак разрушенной церкви!?» - подумал Витя. Хмель быстро улетучивался из головы. В этот момент новые хлопья туч унеслись за реку. В лунном свете купол блеснул золотом и уплыл в сторону.

- Не призрак всё-таки! – сказал Витя.

Рядом был косогор, возвышающийся над рекой и стройкой, и Витя с Машей решили подняться, выяснить, в чём дело.

Церковный купол крепился тросами к башенному крану. На ветру, да ещё с грузом он был неустойчив, кран «водило» туда-сюда. Купол на миг заслонял луну, а кран надрывно стонал. В этот момент казалось, что огромный купол вот – вот оторвётся и рухнет, давя всё, что окажется на пути.

Витя пригляделся. Водружать купол было явно некуда. Никакого церковного и вообще любого возведённого здания на стройплощадке не было. На земле темнели какие-то котлованы и груды камней, оставленные толи строителями толи археологами.

- Ой, упадёт! – вскрикнула Маша.

- Разгильдяи! – пробормотал Витя.

Постояв ещё немного, молодые люди поспешили к выходу из парка. Витя вызвал такси. Пока оно в меру не спеша подъезжало, решили обсудить, почему ж так получилось с куполом. То ли архиепископ решил застолбить стройплощадку за храмом и вывесил купол как флаг. То ли купол просто привезли на стройплощадку, а соперники архиепископа пригнали кран, чтобы его убрать. Но что-то помешало им довести дело до конца. ...

Затормозило такси, неразговорчивый водитель молча кивнул и дал газу.

Дорога шла через уже застроенный приречный микрорайон. Показалась старинная церковь, которую, вместе с маленькой рощицей, с трудом удалось отстоять от сноса.

Во время обороны Севастополя в Крымскую войну артиллерийскому майору оторвало взрывом ногу. Он выжил, и, так как пить не любил, занялся делом. Где-то раздобыл денег и создал в родном городе первое торговое пароходство. Которое вскоре стало одним из самых прибыльных местных предприятий.

Потом дети офицера –предпринимателя, сенатор и собирательница фольклора, построили в его честь изящную белую церковь в старорусском стиле. Церковь несколько раз примеривались снести в тридцатые годы, и при Хрущёве, и вот недавно. ...

Таксист разворачивался, недовольно бормоча. Надо было проехать мимо храма полукруг. Луна, уставшая от плясок с облаками и бессонницы, спустилась поговорить с церковью и старыми липами вокруг. И они беседовали, негромко, но никого не таясь. Новостройки и дорога вокруг были просто тенями.

- Камикадзе всегда прорвутся...- вдруг сказал вроде бы протрезвевший Витя.

Маша улыбнулась.

Хорошо!

Он постил шарики, а она поцелуи.

Потом они договорились встретиться. Ему показалось, что погода пасмурная и звонить тяжело. Поехал домой и лёг спать.

Выспался потом початился. Закекинулся во вчерашнем суши – баре.

Она посмотрела православную телепрограмму, немного всплакнула. Потом стала от души радоваться, что он не позвонил. Что не пришлось никуда тащиться, пить, жрать и слюнявиться. Но никто не мешал снова посмотреть его фото. Представлять себя с ним на яхте, в вертолёте и Черногории. Чего у него явно не было в «реале».

Ему было не хуже. Тоже не пришлось никуда тащиться. Можно было спокойно смотреть умеренно романтическое порно попеременно с интервью Захара Прилепина. Так оно всё было нормально, по мужски и духоподъёмно. И эта, ну та, на фоне такой красоты казалась Линдсей Лохан и архетипической славянкой женой Сварога. Не надо было толкаться в маршрутке, слюнявиться, и выкидывать деньги неизвестно на что...

Обоим было хорошо и ещё лучше.

А потом стало немного скучно. Он прислал её краткое «Извини» и розочку.

А она написала «Больше ни пиши!» тоном собаки у которой пытаются отобрать кость. То есть, няшную без пота и перегара. С которой она представила себя среди новозелландских пингвинчиков. И которую можно было смотреть снова и снова, снова и снова лайкать. А потом спокойно, безо всякой туфты разговоров перестать лайкать, если надоест.

Он думал точно также, усмехнулся и не обиделся. Послал большой палец с ехидной улыбкой. Аппетитная пышка была куда аппетитней без духотищи, лишних слов и лишних людей.

Написавши: Легко пролетая,

Не касаясь земли

Сняла пенку летняя ласточка.

Потом он лёг и принялся перечитывать в полудрёме «Dухless» Минаева. В тексте чувствовалось нечто могучее и шепотное, но уютное и безопасное. Как советские танки на постаментах. Или мраморный лингам, пронзающий йони среди мха и полусухого папоротника...

Сватовство к хакеру

Маша купила себе новый планшетник. Старый работал когда хотел. Маша не знала фразы философа «Мода – это бедных» и мечтала о гламурных туфельках. Но крупно подставили новые тарифы на коммуналку, и она вспомнила, что ещё молода и решила выйти замуж. За человека, который мог бы купить ей туфли и оплатить счета.

Все знакомые «мужчины со средствами» были женаты. А некоторые даже покупали туфли ещё одной-двум таким же «Машам». Значит, вариант исключается.

Холостяки Саня и Володя были бы, может, и не против. Но который год перебивались случайными заработками. А Вадик вообще нигде не работал.

С Мишей Маша поругались.

Оставался Максим. Парень из параллельного класса (в прошлом). Уже тогда у него было погоняло Хакер. Теперь он работал системным администратором в фирме. И имел регулярные шабашки. Об этом Маше рассказал мамин старший брат, приятель родителей Максима.

К тому же это была близкая цель – Максим жил в соседнем подъезде, и Маша иногда встречала его. Иногда они даже здоровались. Когда не забывали это сделать.

И вот новая случайная встреча. «Привет, Максим!» - на этот раз звонко крикнула Маша. Максим на автомате пожевал губами. И пошёл дальше, глядя сквозь Машу. Сегодня он заканчивал систему электронной безопасности в одной фирме. Вместе со «спецами» из охраны. Туповатыми ребятами, бывшими ментами. И, забыть обо всём на свете, спешил опробовать новую «игрушку».

Маша поняла – «установить контакт» будет сложно. Тем более, что с Максимом они никогда особо не дружили.

- Ты, Машка, овца толстожопая! Не можешь нормального мужика найти! – долила масла в огонь мать.

- Да разве с этим хакером грёбаным из соседнего подъезда договоришься? А тебе, мама, лишь бы гадость сказать!

- Поможем тебе, дура, в который раз. Дядька твой к ним ходит. Типа посватается.

Дядя Паша запасся коньяком и отправился к родителям Максима. Самого Хакера ещё не было дома. Выпили, поговорили о том – о сём.

- А Максим ваш, это... не гей? – спросил вдруг дядя Паша.

- Он геймер - с вызовом ответила мать Максима.

- Ты чё! – крикнул отец. Не, у него на компьютере на рабочем столе теннисистка Шаропова в трусах. И другие бабы раньше были... – уже в сомнениях добавил он.

- И монстры были, и чудища! А мужиков не было! – с гордостью сказала мать.

- Отлично! – оживился дядя Паша. Племянница-то Машка тоже девок не очень. А на Максима в окно смотрит. Может, как-нибудь он к Машке забредёт?

- Да, передадим. А то всё компьютер да компьютер, – отозвался отец.

...- Машка тебя в гости зовёт, – услышал, придя домой, Максим.

- Какая Машка? – удивился он.

- Ну, Литвинова. Из второго подъезда.

- А... – бросил Максим, бросаясь к компьютеру. Система безопасности опять глючила, и ребята из охраны начинали над Хакером стебаться.

...Прошло два часа. Родители затаились на кухне, они закручивали огурцы. Наконец последняя банка ушла в кладовку, и отец очнулся:

- Сходи! Не надоело ещё на трусы Шараповой дрочить?

- Шарапова, она есть не просит... - рассудительно ответил довольный Максим, победивший систему. Он вышел из своей комнаты, отрезал толстый ломоть хлеба, покрыл его толстым слоем масла, сверху уложил толстый кусок колбасы и всё это запихнул в рот. Потом подошел к окну, изучил пейзаж и повернулся к затихшим в ожидании родителям: - А у Машки ноги толстоваты. Вроде... И ваще, дождь на улице! Как я в соседний подъезд сунусь!?

Смена вывесок.

Сначала фасад увешивали вывесками. Большими и маленькими, подсвеченными и не подсвеченными. Вывески менялись. Одна большая пожирала несколько мелких. Вывески бывали скучные и оригинальные. И продуктовые магазины, и массажные салоны, и какие-то редакции.

Самой интересной была вывеска филиала французского банка «Сосьетэ Женераль». Банка реально европейского и старинного. Вывеска одним своим видом напоминала об утреннем кофе с круасаном. И сдержанной страсти нежных и прекрасных сотрудниц в чёрно-белых офисных одеяниях. Которых ждут мужественные кавалеры в кафе. А ещё лучше рюмка и сигарета. И свободный стул.

Вывески «Сосьетэ Женераль» сожрала кучу мелюзги. И заняла целый подъезд. Только вот ходили в него скучные гримзы. Затёртые опытом работы. Так что надежды Сергея не оправдались.

Потом начальство велело содрать все вывески. И потребовало откат за право повесить их снова. Притом заказать новую вывеску можно было только в «какой надо» фирме. И абсолютно установленного образца, не дешевле. За возможность заказать чуть дешевле обсуждался за отдельную плату.

В подземном переходе возле дома Сергей также наблюдал странную суету. То магазинчики в переходе оформлялись вонючим турецким пластиком. Купленным в «какой надо» фирме. За «какую надо» цену. Владельцы и персонал заполошно суетились. И ещё пытались продолжать работать...

Но усилия оказались напрасными. Магазинчики было велено снести. Что и сделали. Потом переход отделали серой плиткой. Под могильный мрамор. И через каждые два метра повесили камеры слежения. С учётом того, что три четверти их не работало.

«Маразм, маразм!» - думал Сергей. Но особо ничего не понимал. Тем более, что задумываться и понимать было некогда. Объём работ и «на службе» и по шашкам рос. А расценки бодро ползли вниз. Основной радостью была хоть какая-то возможность работать. Много и задёшево. Но это хоть отвлекало от «лишних» мыслей».

Только вот проходя по подземному переходу, Сергей чувствовал себя неуютно. Камеры слежения смотрели на него укоризненно- полицейским взглядом. «Ну, ладно ходи пока. Только вот отучайся быстрее лазить где попало. С нового года и эту лавочку прикрываем» - говорили взгляды камер.

Понимание пришло к Сергею во сне. После нудно работы и обещаний заплатить на будущей неделе было пиво. И украинские подвиги в вечерних новостях.

Сергей заснул с тяжелой головой. И увидел ремонт в своей квартире. Рабочие, полустёртые таджико –вьетнамо –украинцы, борзели. И со строгими лицами не слушали указаний заказчика. Из спальни они выкинули все вещи. И покрывали стены отнюдь не обоями, заботливо выбранными тёщей Сергея в «Кастораме». А до боли знакомой серой похоронной плиткой. Сергей уже орал и матерился. Но его не замечали, деловито и спокойно.

Сергей решил, что действовать надо ещё решительней. Но для начала надо было посетить сортир и избавиться от последствий пивных возлияний. Санузел был уже отделан каким-то более светлым собратом серой плитки из перехода. Что самое интересное, ею был покрыт и унитаз. Который из собственно унитаза превратился в солидный бледно-серый куб кладбищенского вида.

С проклятиями Сергей схватил какой-то инструмент и принялся остервенело отковыривать плитку.

«Гражданин, прекратите сейчас же!» - раздался за спиной строгий голос. Сергей затравленно оглянулся. В его туалете стоял уличный патруль из симпатичной девушки-полицейской и троих казаков с испытанными лицами. И седенький мужичок в пиджаке и с папкой. «Что выделаете? Мы для вас квартиру переоборудываем. А вы что?» - укоризненно заговорил мужичок. «Вы совсем сбрендили!? Вы вообще кто?!» - заорал в ответ Сергей. «Я – из пенсионного фонда. Это- патруль, сами видите. Мы инвестируем ваши пенсионные накопления. Переоборудываем вашу квартиру в погребальное сооружение. Для вас же, стараемся! Не чью-то могилку оформляем! Вашу! Вы что хотите, чтоб на вашей же могиле в туалет ходили!» - произнёс мужичок, сам преисполнившись праведным гневом.

Сергей проснулся. Он уже знал, что его ненавязчиво хоронят. Пока оформляют могилку. Закончат – предложат укладываться...

С утра он принялся судорожно прикидывать, может ли он устроиться посудомойщиком или уборщиком где-нибудь в Германии. Или там все рабочие и нерабочие места турками забиты? И могилку-то никто не подготовит...

Аллигатор.

Потомственный москвич Пётр любил проводить время дома. Айтишнику далеко не всегда надо было тащиться в офис. Сделал, отослал и спокойно рубись в «Доту».

Но иногда приходилось и на работу ездить, и ходить с приятелями в два – три бара.

И хотелось чего –нибудь эдакого, выделиться и придать изюминки себе и экстрима жизни. Но делать лишние телодвижения не хотелось.

И Пётр купил аллигатора. Через «Авито» у молчаливой девушки с незапоминающимся лицом. Было обещано, что больше трёх метров не вырастит, хотя в неволе при регулярном кормлении...

В четырёхкомнатной квартире старого образца нашлась отдельная комната. Пётра напрягся и вынес оттуда всё лишнее, кроме дивана и столика у дверей. Потом поставил детский бассейн. До этого крокодильчик жил ванной.

Пётр стал кормить его по правилам и менять воду. Молчаливые киргизы принесли в бассейн камни и рогатое бревно.

Аллигатор прятался под корягой и среди камней, грелся у края бассейна. Перед едой характерно взвизгивал. И постепенно рос.

Пётр иногда водил приятелей посмотреть на питомца, посидеть на диване, выпить бокала два – три. Но не больше – потом запирает комнату и снова на кухню...

Однажды, когда, Пётр вернулся из недолгого отъезда, Ирина Моисеевна, пожилая соседка, посмотрела на него с повышенным интересом.

- Как хорошо, что, ты, Петя, вернулся. Вот всё хотела спросить...

- Что же, Ирина Моисеевна? – насторожился Пётр.

- Что у Вас, Петя, в квартире ревет? Так гулко, протяжно?

- Да что ж реветь может! Водопровод с канализацией древние!

Но Пётр уже начал догадываться. Когда он открыл дверь и вошёл, характерный рёв повторился несколько раз. У аллигатора начался брачный период.

Пётр на всякий случай подпёр дверь тумбочкой и полез в Интернет. «То ли в зоопарк сдать, толи супругу подыскать, как для породистого пса. А может просто пока черепаху какую для утех» - думал он...

Позитивное мышление.

Оксану уже несколько лет пугало ощущение вселенской катастрофы, причём разной. Иногда оно являлось как видение сизой волны цунами, поднимающейся до неба. Иногда – как осознание, что приходится питаться опилками дерева, на котором висишь над пропастью.

Постепенно выяснилось, что ощущение – даже не ощущение, а полноценная реальность. Инфляция съедала зарплату в рублях, а мигранты подъедали Европу. Подруга Маша бурно завидовала возможности ездить в метро, что уже нельзя было делать белой женщине в Париже. А вот Оксана, случалось, ездила. И ничего!

Да и евро там были как-то не так дороги, как в родном городе. Где, чтобы наестся, надо было уже заплатить раза в три больше...

И Оксане больше ничего не оставалось, как начать мыслить позитивно.

Без нормальной зимней одежды было совсем не жарко! И выглядела Оксана более, сексуально, чем в шубе! Что явно повышало шанс найти состоятельного мужчину с быстрой и тёплой машиной. В которой было бы не холодно даже в самой занудной пробке!

В солнечные осенние деньки действительно можно было наслаждаться отсутствием мороза или жары. Особенно после быстрой ходьбы, когда оставляешь обесточенный троллейбус стоять на обочине и самостоятельно почти пробегаешь две остановки. Главное, в этот момент не думать о любимом сериале «Игра престолов» с этим навязчивым бормотанием «Зима близко!».

Плохой и всё более дорогой алкоголь был поводом вести более здоровый и размеренный образ жизни, подумать о светлом и высоком. Ранним вечером в лёгкой косынке с блёстками стать на крыльце церкви, поднять глаза к

сиреневым тучам вокруг белой колокольни. Не слишком долго, чтобы не замёрзнуть в чёрных сетчатых чулках.

Хотя угрюмые бабушка даже не достаивали каким-либо замечанием, а бородатые мужчины в облачении были спешащими и порывисто деловитыми. И, как выяснилось, либо бедными, либо женатыми...

Свободные «мужчины с бородой» ходили, наверное, во вновь построенную мечеть. Но туда Оксана не подходила, поскольку и нищие перед её входом казались какими-то «для своих»...

Можно было смотреть на сумку модного вида, на молнию на куртке «как у Вовы». И лучше было не видеть лица женщины, явно многое претерпевшей ради этой сумки. Лучше было не видеть ни самого парня, ни его куртку. И не вспоминать последний год общения с Вовой...

Проходя через парк, надо было думать о кипарисе, или как ещё называют это дерево, которое зимой не сбрасывает, что у него вместо иголок. Если правильно смотреть через его крону на солнце, можно было даже представить себя летом на море. Вспоминать о нём было гораздо лучше, чем ползать через соседей по переполненному пляжу. Возле которого подходили знакомиться в меру подвыпившие парни с клочковатыми полубородами. Но всё же на морях был отпуск и можно было с похмелья спать до утра и потом спокойно дремать до обеда. А ближе к обеду смотреть на солнце через такое вот дерево...

Лучше было не видеть спиленные деревья и всю желтеющие кусты. И не видеть днём. Ночью было не видно ни «кипариса», ни холодных противных луж. Да ещё пошли плодиться грабители. Наверное, из сырых выбоин в асфальте...

Лучше так, через прозрачную мглу видеть только сумку, молнию на куртке и кипарис. А за ним солнце, как за расписной ширмой. А другое – только

напрямую опасное, если что. Чтоб не мешало мечтать о хорошо пахнущем мужчине в тёплой машине.

Чёрные дыры.

В детстве его я, наверное, жило. И почти без перерыва. Мир игрушек под столом. Полутёмный, как древнее капище. Занавешенный скатертями, полотенцами и половыми тряпками.

Всё это сдирали. Его вытаскивали из-под стола. Говорили, что полотенца, тряпки и скатерти – не для этого. И что грязные тряпки «оскверняют» чистые скатерти и полотенца. Мама говорила это очень громко и била грязной тряпкой по голове.

У плачущего выключали я. Тащили «кушать» или «к бабушке». Учили включать я «в пол силы» и «как положено». В том числе и другие мальчишки. С которыми надо было играть «в машинки», «в танчики», или «в солдатики».

Потом надо было ходить в школу, учить уроки, «гонять в футбол» и «махаться». Я всё чаще приходилось прятать поглубже. За решением задач и чтением никому не нужного романа «Война и мир». Я надо было намертво загромождать качаемой мускулатурой. Чтобы не выглядеть «дрыщём», «лохом», чтобы «тёлки на пляже смотрели». И ещё «нормальной шмоткой» «как у Паши и Равиля».

Полуинтеллектуальное студенчество. Тогда попадались книги. Тогда попадались книги. Как картинки на стенах с куполами и пагодами. Православный священник и волхв – гитарист. Детали интерьера для учёбы и девушек, пьянок и поездок. Море, похожее на огромные линялые джинсы. Пустые бутылки и ещё оставшаяся водка. Которой всегда было мало.

А теперь надо было одеваться и вести себя, как принято в этом офисе на территории давно почившего завода. Лебезить перед Павлом и Ашотом. Изображать деловитость и креатив перед змееподобной Патрисией. Когда та инспектировала российские отделения. Дружелюбно подтрунивать над

Егором. Не столь дружелюбно над Инной. Иметь машину как у Сергея. Не такую дорогую, как у Павла и Ашота. А у Инны машинак или вообще что? Почему её до сих пор не уволили?!

Ездить на конференции, где вместе со всеми всё больше замалчивать печальные тенденции рынка. Бодро участвовать в идеотских конкурсах на корпоративах.

Ему надо было слыть «неплохо социализированным чуваком». В этом качестве он убеждал себя, что мало что помнит о своём я. И только приятное.

Например, компьютерные игры. Пафосные «стратегии». Навороченные «онлайн – игры». Я ли что-то похожее на него, могло резво прыгать и скакать. Выбирая героическую гибель после череды красивых побед. Проживать раз за разом маленькую жизнь великого и свободного. Полководца, эльфа, оверлорда или сурового сталкера.

Ещё можно было быть богом среди других богов. Где-нибудь на форуме альтернативной истории. Перекраивать прошлое и будущее. Мановением пальца строить ацтекский храм в Санкт – Петербуге. Бережно закрашивать карту Четвёртого Рейха.

Боги, конечно, не могли обойтись без ссор и мелких пакостей. Внутри божественного мира сочилась жижа реальности. Но она быстро высыхала от жара дискуссий. Как упоительно отстаивать транстихоокеанскую империю тарасков в пику японо-гавайскому халифату.

Но миры для «приятного я» постепенно «вырабатывались», «стачивались». На стенах миров под красивыми обоями проступали сырые пятна. Обиотслаивались от стенки, пузырились. Их сначала пытались подклеивать, потом сдирали. Оставалась шершавая грязная стенка. Которую запросто могли снести вместе со всем зданием. Или оставить стоять «в одиночестве».

Стояла какая-то стенка с рекламным баннером. Изображавшим самодовольную девицу в шезлонге. Остальное здание давно снесли. А стенку оставили. Никто уже не мог сносить дальше. А тем более – строить новое. Осталось повесить баннер.

Он стал догадываться, что именно это произошло с его я. И решил разобраться этой проблемой «как продвинутый чел». Но не слишком «замороженный». Он попытался выпустить себя из-под оболочки. Подышать свежим воздухом, так сказать. Для этого принято было куда-то ездить. «Замороженные» ехали в туры на Тибет.

А он уехал в отпуск на восток Азии. Там было то, что и на любом другом курорте в любом месте земного шара. Море, бары, рестораны, выпивка, женщины. Но всё это относилось к оболочке. Открывалась форточка. И воздухом дышала следующая. А он хотел дать подышать себе. Как это сделать – никто не знал.

И он поехал в солидный местный музей. Упорядоченное хранилище мёртвых оболочек. Хозяева которых давно умерли. А может быть, их никогда и не было. Оболочки были просто вторичными отходами чей-то жизнедеятельности. Которые навешивали на себя кто ни попадя. А потом сдавали обратно на склад.

Он искал в оболочках отверстия, через которые могло выглядывать я. Но не находил их.

Отверстий было великое множество. Но через них подглядывали и дышали воздухом такие же оболочки. Посуда, грозное оружие и доспехи. Повозки и лодки, модели кораблей. Священные идолы. Свитки с элегантною живописью. Похожей на кляксы или плевки. Как будто мертвецы бодро улыбались. И деловито сновали туда-сюда. Они не знали, зачем им это нужно. Они вообще ничего не знали. И никто ничего не знал.

Выйдя на улицу, он чуть не наступил в птичье дерьмо. Свежее и жидкое. Очень похожее на изображения со старинных свитков.

«Люди и звери хотели получить удовольствие. И не хотели умирать. И они получали удовольствие и страдали. И потом умирали.

Может, свитки боятся оказаться на улице? Тогда они станут, как птичье дерьмо. А что, такое дерьмо выставляют в музеях. И человеческое, и птичье. В этом городе тоже есть музеи с дерьмом. Интересно, музейное дерьмо хочет на волю? Посохнуть на солнце, повонять на голом асфальте? Ему не тяжело становиться оболочкой?

А какая, собственно, разница? Птичке достаточно есть и испражняться. А кому-то для этого надо ещё и рисовать. И смотреть на рисунки. Что лучше или проще? А хрен его знает!

А великие восточные религии в самом деле мудры! Они давно нашли пустоту на месте я. И обернули её обёрткой. Которую можно разукрашивать и по –разному складывать. Глядишь, на месте пустоты что-то есть. Цветная обёртка, оригинально сложенная. Прикольно! Но чем пустота с обёрткой отличается от пустоты без обёртки?».

Он вернулся в отель. С жары захотелось пива. Потом налегал на виски. Захотелось как следует оттянуться. Вызвал проститутку. Захотелось чего-нибудь необычного. Поэтому он как-то странно таскал проститутку с одного конца кровати на другой. Вначале она пугалась, а потом развеселилась.

Стал в обед, похмелился. А там и домой надо было лететь. Перед отъездом достал из-под кровати простынь.

После возвращения он всё чаще замечал, что его мир сжимается. Его внешний мир. В нём появлялись чёрные дыры. Которые, тлея, расширялись. И пожирали мир.

Например, это были крепкие, громогласные кавказцы. Или расторопные пришельцы из Средней Азии. Это были иные кафе и продуктовые ларьки. Машины с громкой музыкой. Кафе, машины, кавказские парни... В эту парковую аллею лучше было не соваться. Так же думали и патрульные полицейские. «Своя задница дрога, бля!» - он слышал как это пробормотал один из них. Когда услышал женский визг, доносящийся из аллеи...

Но он не был ксенофобом. И его внешний мир уничтожали самыми разными способами. С детства помнился скверик. В нём – неработающий фонтан с облупившейся бетонной черепахой. Когда-то её морда казалась очень дружелюбной. Потом он забыл о ней. И вот скверика не стало.

С начала появился забор из жестяных листов. Потом – безмолвное здание из чёрного стекла. С белой надписью «Аренда» и номером телефона. Хотя никто ничего не арендовал. И здание стояло как чёрный айсберг, севший на мель.

Стали отключать электричество. Иногда на несколько часов. Тогда не было ни героев, ни богов. Был черный квадрат монитора. Молчаливый неизменный, немного грязный. С мира словно ободрали цветные обои. И оставили черное, мёртвое основание. И не было никакого я. Только бесформенные оболочки, осевшие кучкой. Как сухие листья на вытопанной клумбе под окном. Которые иногда рассыпались и перекатывались под ветром. Так же его оболочки иногда ворошил звонок мобильного. Если тот не успевал разрядиться.

Однажды смуглый дворник собрал сухие листья и унёс. Подумалось- «И чем они ему помешали?». Как будто листья еще жили и оживляли мёртвую клумбу.

Ночью гопники пили пиво и матерились. Набросали бычков. Утром перед работой бычки показались надгробьями листьев.

Ещё исчезали люди. С кем-то стало неинтересно. Кто-то уехал. Кто-то просто исчез.

Не то, чтоб он в серьёз интересовался чем-то, кроме своего я. Или кого-то любил. Но это был его мир. Он мог здесь питаться и отправлять естественные надобности сравнительно безболезненно.

Но в мире появлялось всё больше дыр. Которые постепенно расширялись. Готовые слиться в единую пропасть-тьму.

В соседнем подъезде жила Лена. Заторможенная одноклассница. Которая вскоре после окончания школы ударилась в религию. Она не была нужна. И никуда не исчезала.

Открывались новые церкви. В Сети попадались священники – блогеры. «Вот у кого-то мир расширяется!» - с завистью подумал он. И решил расспросить лену, столкнувшись однажды с ней во дворе.

- Кого из наших видел?

- Да нет...

- А у тебя всё как?

- Всё слава Богу! – улыбнулась Лена.

- А как все твои поживают? Ну, церковные?

- Отец Вадим служит, слава Богу! Отец Александр теперь благочинный. А отец Димитрий на покое уже. Матушка Ольга болеет сильно..

- А помнишь, приходила? Вера Афанасьевна?

- Как же... Преставилась три года назад. А Анастасия Валерьевна – ещё раньше. И тётя Люба, и тётя Света. И баба Сима, не говоря уже... Петя в Швейцарию уехал. Помнишь, всё песни пел о гибели за Отечество? Миша

тоже... куда-то... Ира с Наташей постриглись. Катя за батюшку вышла. На Урал определили. Я осталась, Вера малая, Таисия Игоревна.

- А церковь вот открыли. Ну, там вон...?

- Ага. Туда не хожу. Не знаю никого. И у нас на приходе всё новые мелькают. На службе пол часа постоят, в планшетник глядя.

- А тебе жить комфортней стало? Уважение у верующих. Церкви строят...

- Уважение! – неожиданно резко сказала Лена. Когда с этим «Pussy Riot» истерия была – всю ограду измазали. Отмывали потом специальной машиной, под давлением. Муниципалитет дал.

- Всё ж уважают! Мне что муниципалитет даст!

- Да кто уважает!? Подростки кавказские с соседней школы в крестный ход огрызки кидают. А полиция – хоть бы что! Не все кавказцы, правда, такие. Таисии Игоревне дагестанец сказал, чтоб к нему в следующий раз обращались. Не в полицию. Говорит: «Вы – люди Писания!». Без разрешения, как их, знатоков ислама нельзя православных обижать!

- Да – а...

Он и Лена печально покивали распрощались.

Сначала он почувствовал облегчение. Мир сжимался и покрывался дырами не у него одного. А потом вновь подступила тоска. Вместе с чужим миром таял и его собственный.

В отеле.

Под еле видным силуэтом гор матово чернел бассейн. Перед ним - призраки белых пластиковых столиков и лежаков. Подойдя ближе, можно было наткнуться на пивные бутылки.

На краю бассейна сидела девушка и смотрела прямо перед собой. Он подошёл и поставил перед девушкой бутылку «Туборга». «Спасибо! Я пить не буду». Девушка взяла бутылку и пошла к себе в номер. На балконе появился мужчина и пробурчал что-то.

«Хорошо, хоть бутылку взяла! А то двух с меня уже много будет!»- искренне порадовался он вернулся в зал ресторана. Там было светло и просторно, на экране плазмы шёл КВН.

Мужчина, раньше пивший тут в одиночестве, бродил туда – сюда перед крыльцом. А ему ходить не хотелось, а хотелось присесть. Что он и сделал. На экране кэвээнщики обыгрывали «Игру престолов». Это продолжалось довольно долго.

Он вышел с пивом за столик. Мужчина всё также молча ходил туда- сюда. Стало прохладно.

Он вернулся в зал. Кэвээнщики уже оставили в покое «Игру престолов» и занялись чем- то другим. Захотелось спать и он поднялся в номер.

Путешествие дилетантов.

Небольшая кампания менеджеров и поэтов собралась у поворота шоссе. Они ждали микроавтобус водилы - шабашника, и за одно двоюродного брата одного из них. Все они, кроме ожидаемого водилы, когда писали стихи или что-то другое. И иногда делали это и сейчас, когда позволяла работа в невнятном офисе или шабашки, от рекламных текстов до электросварки. Они давно не собирались вместе и решили прокатиться в закубанские горы.

Неженатые и бездетные вызывали бурную зависть у двоих разведённых, которые законопослушно выплачивали алименты. И те, и другие предпочитали детям котов.

Из женщин в кампании была поэтесса Манька, когда-то красивая брюнетка. Так и не растолстевшая, но ставшая похожей на прокапчёную воблу. У Маньки не было мужа и детей, она не знала, радоваться или грустить по этому поводу. Зато она знала, что любит абсент. Но на него не всегда были деньги. Тогда можно было и водку с пивом.

Всё это уже было принесено и куплено, когда подъехал микроавтобус. В предвкушении с шутками загрузились. Покати по шоссе, окруженному когда-то полями. А теперь зарослями мелких кустов с круглыми кронами. Это продолжалось недолго, приблизились горы.

Иногда можно было увидеть бодрые кирпичные новостройки. И на небольшой холмистой гряде высились величественные буро-красные особняки, похожие на египетские пирамиды. Неподалеку выглядывали из бурьяна турлучные развалюхи. Иногда встречались бодрые небольшие дворiki, сверкавшие яркой краской и оцинковкой. Они вырастали прямо из зарослей камыша и кустов, которые разрослись на месте бывших огородов.

Почти нигде не было видно людей или машин. Дома были брошены или служили дачами. Но за несколькими подчёркнуто высокими заборами

слышался какой-то гомон иногда музыка. Там жили недавно переехавшие кавказцы.

Но скоро домов не стало видно, они отступили в лес на склоны холмов.

Водила повеселел. Вокруг дороги уже рос лес и не было пустых домов. Которые напоминали ему, как его всё жизнь кидали и унижали. Теперь повеяло свежим ветерком и водила вспоминал, как всё жизнь кидал и унижал кого-то ещё...

Поднялись густозелёные холмы, в два ряда разлаписто навалившиеся друг на друга. Вдали за ними поднимались уже серофеолетовые горы, по цвету похожие на облака, неподвижно лежащие в синеве на верхушках гор.

Показалась дача, а точнее дом, унаследованный Мишкой от кого-то. Обвалившаяся глина на стенах кое-где обнажала турлук. На длинной деревянной веранде пол шёл волной. Двор упирался в лесистый горный склон, его покрывала густая высокая трава. А внутри кое-где был евроремонт. Там и расположились.

Самый приятный момент поездки был тогда, когда на стол стала выпивка и закуска. Но к ней ещё никто не притрагивался...

Сели, выпили и закусили. Захотелось поспрашивать о чем-нибудь интересном. За этим подступили к Жене, работавшему казаком.

Женя пытался торговать, писал стихи, чтоб как-то объяснить, что торговать не получается и любил поговорить о кубанской старине. Под эти разговоры вступил в казачество. Занимался спортом и попал в дружину. В ней – нашёл постоянный заработок и душевный покой.

- С полицией патрулируем. У нас Наська, сержант. Чётко сразу указывает, куда и кому.

- Жень тебе ж по голове в начале года дали! – напомнил ему Мишка.

- Ну, да из-за неё, когда бесится, не думает.

– Так это ж хреново! –

- Так мне и тем более думать не надо!

Женя улыбнулся и сладко зевнул. Он впадал в приятно – заторможенное состояние служивого человека не на службе.

Пошутили насчёт Госпожи в полицейской форме, поставили БДСМ – порно на ноутбуке. Попросили друг – друга почитать стихи, потом посетовали, что читать уже никто не хочет. Вспомнили старые времена, когда «хотелось и могло», выпили за их возвращение. Выпили ещё, захотелось сделать что-нибудь интересное. Достали раскурили кальян. Закурили какую-то смесь, которую Манька называла одуванчиком.

Прикурив, Женька тихо прикорнул. А вслед за ним стали придрёмывать и все остальные. Постепенно закемаривали под бульканье кальяна. «Мёртвые, ну мёртвые!» - иногда взвизгивала Манька по поводу БДСМ – порно. Садисты с мазохистами казались Маньке скучающе – отстранёнными, и вялыми.

После реплик Маньки некоторые из курящих лениво поворачивались к экрану и тут же снова начинали придрёмывать. «Заплатил алименты – и посидеть можно спокойно!» – с ласковой ехидцей пошутил Мишка, отворачиваясь к кальяну.

Стало ещё спокойней и проще, никто не обратил внимание, когда экран ноутбука потемнел и погас. С полумраке стала видна маленькая голубая лампочка. Это оказалось чуть интереснее порно. Вспомнили отсутствующего Петьку, гея, хотя и больше «в душе». Пожелали ему маленького путеводного огонька в жизни.

После чего появилось ощущение, что пьянка так или иначе удалась.

Все уже расплзлись по диванам и матрасам, где иногда тихо посапывали или всхлипывали. Некоторое время ещё шепуршала Манька, они с Мишкой покормили остатками закуски прохожего кота. Потом затихла и Манька.

Мишка вышел на веранду. Уже почти смерклоь и высокая серебристозелёная трава стала ещё серебристей. Горы из синих сделалиь чёрными, небо тёмно-синим, каким ещё час назад были горы.

В голове роились праздные и никчемные мысли. Что всё вокруг – огромный памятник неизвестно кому. Кому-то большому, кто жил неизвестно когда. И которому потом начали строить памятник. Тоже очень большой. И когда построили, успели забыть, кому он предназначался.

И в складках памятника гавкали бродячие собаки. Тихо доживала их кампания со своими родителями и редкими детьми. Приезжие мигранты что-то грызли и перетаскивали в щелях памятника, словно осенние ежи. Они словно готовились к чему-то большому и неизвестному как тот неизвестный, кому построили памятник.

Радость.

Его нет и я погружаюсь в глубины морозилки. Разгребаю слегка заиндевевшие пельмени. Тихо постукивая, они сыпятся сквозь пальцы. Вот нашёлся промёрзший сельдяной хвост.

Но его нет. Грустно шебуршусь в другом ящике. Крабовые палочки и початые котлеты полуфабрикат, ещё какая-то гадость, стыдливо завёрнутое в полиэтилен. Не оно....

Нет, вот! Спереди, привалившись к стенке. Как будто пыталось выползти ко мне, молчаливо дрожа и тоскуя.

И я беру его, кусок копчёного сало с прожилками. Кладу на стол, достаю жестянку «Туборга». Режу на хлеб, наливаю. Спыхватываюсь, что надо закрыть морозилку.

Пью и закусываю салом. Смотрю в окно на уставшие за лето виноградные листья.

Старичок бухтит на паркующегося неместного парня. Тот что-то отвечает. Небо наливается тьмой и спорящие смолкают. Но можно достать ещё пива и отрезать сальца. С ними не соскучишься....

О красоте и уюте.

Деревянный стол в августовском саду. Жарко ещё, но листья желтеют и падают на него, как отяжелевшие блики солнца. Уличный стол серый от непогоды, доски крошатся и трескаются. В щелях иногда мелькают жуки. На столе пластиковые стаканы с пивом и тарань на газете. Сидим на пеньках и перевернутых вёдрах. Прихлёбываем. В разговор «за баб» иногда вмешивается Александр III или Пелевин. В холодильнике — несколько мятых полторашек с местным разливным...

Индоутка тащит куда-то чьи –то кости. Может они когда-то были закуской...

Где-то там, на трассе, гудит автобус. Ещё до забора склон горы идёт вверх, за ним – могучий бурьян, переходящий в лесную сельву. Из сельвы выносится подхваченный ветром розовый пакет. Мы машем ему. Сделав круг, пакет пикирует куда-то за дом.

Разливаем новую полторашку. Под жаренную картошку со шкварками. Речь идёт об урожае, ГМО и мировом заговоре. А от него, как водится, опять на баб...

Горы и воды.

Прошли под воняющим солярой мостом, ещё метров тридцать. И вот он сосновый лес. Тишина, сухие иголки и небо. С нами чача и порезанная салями.

Пьём, закусываем, вспоминаем универ. А ещё кое-то – школу. Как он тут в лагере отдыхал...

Реалистическая картина соснового леса потихоньку становится импрессионистской. Деревья и небо слегка расплываются, подёрнувшись лёгким туманом.

Тихо наступает вечер, и импрессионизм норовит стать японской мистической гравюрой. Взяв тяжелую палку, подкрадываюсь к тёмному комку на земле. Но это просто рваный и старый ватник, который притащили на полянку отдыхающие. И не взяли обратно.

Спатьну всё равно неприятно, как будто завезли животину в лес умирать...

Ничего, так быстрее трезвеешь. Особенно хорошо, когда надо идти по вечерней набережной к морю. Заранее бодрит.

Идём, обгоняя редких прохожих. Вот и конец набережной. Спускаемся по узкой тропинке вокруг скалы. И за скалой опять усаживаемся пить...

Перед глазами почти ничего, кроме тихого тёмного моря. И тёмных размытых гор над ним. Чуть – чуть огоньков пляжных заведений между ними. И это метрах в семи от набережной! Чувствуется проводник, тут со школы бывавший...

Картина напоминает о седой древности. И антисоветизм товарища приобретает соответствующий оттенок.

- Тут когда-то суша была. Ещё в меднокаменном веке. А Чёрного моря не было, Босфор рекой был. Всякие богатые селения были. Но коммуняки, как

водится, всех под себя подмяли! Всякие Читал – Хуюки построили – селенья общаги! Всех построили, да всех! Последние слуги вольных богов глубин моря перед смертью проклинали коммунык. Сам Ктулху поднялся к ним! И потоп тут хуюкнулся! Чёрное море появилось, Босфор проливом стал. А тут, в глубине, в толще сероводорода, древние селения проклятые стоят, дольмены, Стоунхенджи всякие...

- Писать-то будешь про Хуюки, про потоп? – спрашиваю его.

- Видно будет ... задумчиво отвечает товарищ.

Чача допита. Из-за скалы вышел мудрый котейка, почти сливающийся в темноте с известняковой скалой. Отдаём ему остатки салями. Пора на базу.

«Вечный корпоратив».

По заснеженному серпантину тянулись дорогие джипы и красивые автобусы. Их путь завершался на заснеженной горной поляне, где находилась парковка. Дальше приехавшие поднимались по ступеням с перильцами к огромному входу в дольмен.

Чиновники и журналисты были одеты в тёплые пуховики. Со ступеней оббили лёд и посыпали песком. Но приехавшие всё равно поднимались осторожно, девушки взвизгивали, эротично и чуть сдавлено... Хотя те, кто прилетели на вертолётах, поднимались на отдельном лифте.

Вход в огромный дольмен был входом в развлекательный центр, оборудованный в преддверье знаменитой древне пещеры, уходящей вглубь горного хребта на несколько километров. В пещере когда-то жили люди каменного века, устраивали свои святилища аланы и черкесы, подвязались средневековые монахи. В её глубинах находили мумии в дорогих одеждах, драгоценные византийские кресты...

Потом пещеру приватизировал бизнесмен с хорошими связями в администрациях самого разного уровня... В верхних залах пещеры оборудовали гостиницу и ночной клуб. Естественный минеральный источник превратили в бассейн с подогревом. Вход оформили в виде входа в дольмен тёмно-бурым базальтом... Развлекательный центр так и назвали, «Дольмен».

По ближайшим к входу коридорам пещеры стали водить экскурсии, осматривать сталактиты и могильники в нишах стен. Отдых здесь был очень дорогим. Те, кто больше не мог выезжать за рубеж «после Крыма», навёрстывали здесь упущенное... Однако владелец брал деньги и с археологов, продолжавших работать в глубине пещеры, пусть и не столь много.

Некоторое время назад некоторые посетители развлекательного центра загадочным образом пропали. Однако их родные быстро отказались от любых претензий, а некоторые высокие лица демонстративно посетили его и остались очень довольными. Один очень известный руководитель с размахом отпраздновал в «Дольмене» свой выход на пенсию. Больше о нём в прессе ничего не сообщалось...

Сейчас в развлекательном центре в честь Нового Года проводился праздник под названием «Вечный корпоратив». «Вы сможете родиться заново, напитавшись целебной силой наших пещерных гротов. В Вашей судьбе все бесповоротно и окончательно изменится к лучшему!» - было написано в буклете для гостей мероприятия. Гостям предлагалась отдыхать в небольших гротах, запутанных и укромных, но находящихся прямо у входа. Так, что нельзя было заблудиться. Гроты были оформлены в виде древнеегипетских и этрусских погребальных склепов, спален помпеянских вилл. Другие - в стиле суровых склепов и храмов средневековых аланов. Гости могли в них отдыхать, свободно бродить между гротами, неожиданно встречаться друг с другом, группами ходить по экскурсионным маршрутам внутри пещеры. Тем более, было странно, что приглашены оказались не только важные и очень важные персоны, но рядовые журналисты и околожурналисты. Не говоря уже об экскурсоводах и другом обслуживающем персонале. «Это не мы решаем» - отвечали организаторы на недоумённые вопросы и поднимали очи горе...

Снег постепенно заносил следы на лесенке, ведущей к входу в «Дольмен». А в гротах внутри горел свет, где более яркий, где приглушенный до умеренного полумрака. Хорошо одетые люди пили шампанское и тонко составленные коктейли.

Чем дальше и дальше вглубь пещеры, тем отвязней становилось веселие. Раскрасневшиеся мужички вольготно расселись на «погребальной скамье». Они уложили к себе на колени стройную блондинку в зелёном платье. Одной

рукой каждый из них придерживал её, а другой ежеминутно чокались бутылками с девяностоградусной «Бехеровкой»...

Молодые люди с претензией на готизм уединялись для любви и выпивки в настоящих средневековых склепах и там засыпали...

Важный чиновник, любитель «Бхагават – Гиты», без стеснения уединился в одном из готов с любимой книгой. Грот бы выдержан в холодных серо-белых и фиолетовых тонах. Его обогревала и освещала большая лампа, похожая на заходящее солнце или оранжево-пурпурный аквариум.

Чиновник принялся не спеша перечитывать диалог Кришны с Арджуной. Опять, как и в первый раз, он остро ощутил, что Истина подобна шаровой молнии. Никто никогда не поймёт, кто или что она, как бы ярко Истина не сеяла. Она приходит внезапно и лишь к тому, к кому хочет прийти. Наплевав на мудрых и могущественных, Истина приходит к сумасшедшему нищему. Посмеявшись над праведниками и аскетами, она является убийцам и сластолюбцам...

Читая, чиновник перестал различать буквы. Оранжевая лампа выросла и заполнила собой грот. И вот уже она читала священную книгу. Но зачем читать чего-то тому, что знает всё от начала времён. Или не знает? Зачем вечности что-то знать...

Экскурсовод Маша была красоткой с небольшой, стройной, но выпуклой фигуркой Таис Афинской. Её волосы от природы были похожи на медвяную ржаную солому, на которую упал ранний иней. От её серьёзного вопрошающего взгляда сходили сума чаще, чем от любых обольстительных улыбок. Маша неофициально слыла лучшим экскурсоводом региона, и её часто приглашали на самые серьёзные мероприятия.

Вот и сейчас Маша должна была рассказывать всем желающим об экспонатах, выставленных в одном из коридоров среди гротов. Среди

экспонатов были не только находки из здешней пещеры и окрестностей, но скифское золото «Эрмитажа», лежащее под бронированным стеклом. Маша должна была ходить и рассказывать до девяти вечера, а потом могла отдохнуть и повеселиться сама. Заплатить обещали хорошо, Маша уже получила приличный задаток.

Вот только работать был непросто. Подвыпившие экскурсанты хохотали и громко разговаривали друг с другом. Одни из них скрывались в гротах, а на место их выходили другие, ещё более пьяные. Из гротов постоянно тянулись мужские и женские руки, норовящие схватить Машу. Засыпавших на ходу приходилось поднимать укладывать на диванчики между витринами.

Каждую секунду многоопытная Маша чувствовала, что не выдержит и убежит. Однако опыт подсказывал, что убежать тут можно совсем не туда... И Маша держалась из последних сил.

Но вот к экскурсии присоединилась стройная блондинка. Её зелёное платье было покрыто тёмными пятнами и явственно пахло мочой. Что свидетельствовало о том, что мужички с «погребальной скамьи» явно переборщили с «Бехеровкой».

Но всё это блондинку ничуть не смущало. Она слушала Машу с удивительно осмысленным интересом, не забывая прихлёбывать sake из маленькой фарфоровой бутылочки.

Взглянув на неё в очередной раз, Маша вдруг поняла, что ей уже на всё плевать и можно просто вести экскурсию как всегда ярко и интересно.

Потом она поняла, что в коридоре есть только она одна. Её затаив дыхание слушало множество нарядных улыбающихся Маш. Но одетых по-разному и с разными причёсками. Часто Маша хотела нарядиться именно так, но почему-то пока не получалось...

Но вот уже Маша смотрела на себя словно со стороны. Не было ничего кроме сияющего простора, где летела стайка разноцветных бабочек, в которых превратились Маши. И она сама была золотой...

Каришка в своё время поднялась из официантов пиццерии на углу в сотрудницы пафосного загородного заведения с полным набором удовольствий. Там она оставалась по преимуществу официанткой, и внешне перестала быть весёлой хулиганкой. Но приобрела определённый лоск с умением ласково, но пристойно мурлыкать. Потом заведение закрылось и работать приходилось в кормилках вокзального вида с соответствующей текучкой. Но вот старые знакомые предложили подработать на «Вечном корпоративе», и Каришка, естественно согласилась. На такие мероприятия её не брали и в лучшие годы...

Она разносила напитки и закуски на зеркальные столики в изгибах коридора. За ними сидели сравнительно трезвые, и чего-то ожидающие или сомневающиеся. Каришка долго без перерыва обслуживала унылых мужчин и суховатых немолодых женщин. Но постепенно они исчезали. И настал миг, когда Каришка видела уже только саму себя, сидящую за столиком. Она поспешно поставила поднос. И с криком «Любимая!» заключила себя сидящую в объятия.

Теперь Каришка заполняла собой всю Вселенную. Но не было и Каришки, потому границы между нею и всем остальным исчезли...

На «Вечный корпоратив» даже умудрились взять одного краеведа. Вернее, не его, а Яну, пафосного пресс-секретаря одного учреждения. А краеведа взяли для ношения за Яной сумки с какими-то малонужными вещами. Например, цифровую камеру доверили нести человеку по-солидней. Когда сумка была занесена в номер, краевед оказался на свободе. Походив с экскурсией, он выпил и задумался.

Задумавшись, он побрёл с бутылкой вглубь пещеры. Иногда его обгоняли пряткие парочки и небольшие кампании.

Краевед ушёл вроде недалеко, но внезапно оказался перед узким и неприветливым проёмом в стене, выложенным по старой аланской традиции, ложным сводом. Краевед понял, что пришёл и вообще хватит ходить вокруг да около. И шагнул в проём.

Краевед сразу понял, что эта гостиная такая же, как сотню лет назад, а не такая, во что её превратили. За столом на хозяйском месте сидел он, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, и улыбался, дружелюбно и чуть саркастически. На столе были и вино хозяйского приготовления, и станичные сало с горылкой, и самовар. В окно через разрыв в спешащих тучах подглядывала луна. Как положено по сезону, рокотало зимнее море. От этого гостиная становилась ещё уютнее.

Член-корреспондент вдруг приподнял руку.

- Вы погодите к столу-то, молодой человек! У вас наработан приличный объём данных. Но нельзя пренебрегать доработкой деталей, нельзя спешить с окончательными выводами! Надо ведь и материала подсобрать. Я вот и в Ледяном походе восемнадцатого года поучаствовал, хотя был стариком не в пример вам, молодой человек! Как отшлифуете работу, сами поймёте. Вот тогда милости прошу!

Член – корреспондент указал рукой на стол, и его усы дрогнули в ободряющей улыбке. На несколько мгновений показалось, что в человеческой фигуре воплотилась бесконечность простора...

- Спасибо Вам за рекомендации! - чуть поклонился краевед.

Оказавшись в пустом коридоре, он понял, что уже утро. На полу коридора валялись бутылки, трусы и галстуки. В древних склепах мирно разряжались

айфоны. По тому покою, что исходил от них, было ясно, что владельцам они больше не понадобятся...

Краевед не спеша побрёл к себе в номер. Ему представилось что-то вроде гибели Муамара Каддафи, только более нудной и затянутой, с перебоями в питании.

Но потом – гостиная член-корреспондента. Бесконечный душистый чай да сало с горылкой. Но главное бесконечная беседа, дискуссии с беззлобными шутками без нервотрёпки. Они все совершат те открытия, что не успели; доподлинно проверят все спорные гипотезы. Они узнают, кем был первый человек, пришедший в эти прекрасные горы, на каком языке говорил и пел. С какими обрядами и молитвами возводили дольмены и курганы первых кочевых царей. Увидят первого ария, поющего Солнцу гимны Авесты и Ригведы.

И уже оттуда они будут смотреть, к чему приведёт «всё это».

«И, на море, видимо, будем купаться ходить. И красивые там будут эти, курсистки» - подумал краевед, слегка ободряясь.

Зимний вечер.

Желтый персик фонаря в сером небе. Тучи уже почти слились с горами в единую бесформенную тьму. Тьма накрыла уже почти всё, что ниже гор. Остался неяркий плод фонаря, ещё какие-то редкие огни.

Гремит шторм. Волны залили пляж, и брызги летят на набережную. Когда было светлей, можно было видеть, как от брызг остаются оспины на обтаявших островках снега. Но море уже тоже почти слилось с небом в единую тьму.

Ветер жестоко бьёт по столбу с кем-то позабытым «грибком» тента. Как будто морской ветер наконец нашёл что-то, хоть отдалённо похожее на парус корабля. Уже немного оторванный тент покорно подыгрывает ветру, хлопает и скрипуче вздыхает.

Надо отхлебнуть коньяка сразу три раза, чтобы согреться. Можно прижаться лбом к влажному холоду столба. Зачем, и так холодно? Надо хлебнуть ещё. Осталось? Ещё булькает...

Φoto <http://ru.tsn.ua/>